

Кристин Хэнкок

Лолита
1916

Кристин Хэнкок

Лолита 1916

«Издательские решения»

Хэнкок К.

Лолита 1916 / К. Хэнкок — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931136-8

«Лолита» — это блаженство запретного рая, небеса которого горят адским пламенем. В любви все зависит только от женщины. Даже если она нимфетка, невинное дитя или ребёнок дьявола, пробуждающий зверя. Лолита не для снобов и пуристов. Лолита для тебя для того, кто ищет осторожную и смертельно опасную любовь. Смерть в ней пугает, но и безудержно влечёт. Лолита — гимн любви и искренности. Лолита — это когда нельзя, но очень хочется... Лолита — это многоточие, точка невозврата.

ISBN 978-5-44-931136-8

© Хэнкок К.

© Издательские решения

Содержание

«В катастрофе виноват машинист товарного поезда. Число жертв огромно»	9
«Святой старец Распутин предсказывал крушение поезда!»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Лолита 1916

Кристин Хэнкок

© Кристин Хэнкок, 2018

ISBN 978-5-4493-1136-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Златоглавая Россия вошла в кровавый 1916 год. До развергшейся пропасти осталось несколько солнечных дней. Наша бедная Родина была похожа на желтое поле одуванчиков: золотая, яркая, бескрайняя... но Цветы облетали белыми невесомыми зонтиками, оставляя лысые беспомощные головы, которым было суждено встретить русскую зиму, и быть заживо погребёнными под белым саваном снега. Прежняя немая Россия с ее голубыми мундирами растворялась в одуванчиковом поле...»

Лолита, как взрослая, взяв отчима под руку, важно идет по перрону. Без муфты рука зябнет, но девочка упрямо делает вид, что ей не холодно. Все равно они сейчас пройдут в вагон, там и отогреется. Папá идет медленно, приноравливаясь к её мелким шажкам, время от времени, раскланиваясь со знакомыми. Его знают многие, ведь он знаменитый художник.

– Ло, это моя шестая выставка, а ты не была ни на одной, – улыбаясь, говорит он.

– Папá, я приду на шестьдесят шестую, – смеется Лолита.

Ей весело и волнительно от предстоящего путешествия. В свете фонарей снежинки переливаются на меховом воротнике ее пальто, и она кажется себе невообразимо восхитительной и привлекательной. Взгляды проходящих мимо мужчин разжигают на ее щеках румянец, и она искоса поглядывает на папá, заметил ли он, как все вокруг ею очарованы.

Мальчишка-разносчик бежит навстречу, проворно лавируя между людьми, и кричит, размахивая газетой:

– Важная новость! Важная новость! Российская империя может выйти из Первой мировой войны! Сахарный бунт в Новониколаевске! Торгово-промышленная Москва поддерживает Государственную думу! Князь Львов предупреждает о тайных силах, работающих в пользу Германии!

Папá хмурится, провожая его взглядом. Лолита знает, что он терпеть не может войну. И то, что люди вынуждены убивать друг друга, его очень огорчает.

– Какой у нас вагон? Шестой? – она тербит его за руку, пытаясь отвлечь.

Он кивает и, остановившись, хочет что-то сказать, но вместо этого резко уклоняется в сторону, увлекая за собой дочь, чтобы избежать столкновения с приятным господином, который, торопясь, почти натывается на них, засмотревшись на кого-то в толпе.

– Sorry, – отрывисто бросает он и, подняв взгляд на Лолиту, на мгновение застывает в каком-то радостном удивлении.

– Ничего-ничего, – отмахивается папá, обходя его.

Лолита украдкой оглядывается. Так и есть. Незнакомец все ещё стоит, глядя им вслед. И лицо у него изумленно растерянное и такое милое.

– Иван Богданович, голубчик! – к отцу бросается, раскрыв объятая, незнакомый господин в распахнутой шубе. – Как же я рад вас видеть, дорогой вы мой. Здравствуйте, барышня, – даже не взглянув, бросает он Лолите, весь поглощенный лицезрением своего кумира. – Давеча видел вашу картину. Великолепна! Ей-богу, голубчик, крайне впечатлен!

– Благодарю, Степан Кузьмич, – папá, останавливаясь, кланяется с довольной улыбкой, собираясь продолжить беседу.

Лолите становится скучно. Очередной почитатель таланта её отца криклив и многословен. Она вытягивает ладонь из-под руки отчима и торопливо прячет её в муфту. Ей очень хочется оглянуться, чтобы узнать, ушел тот незнакомец или все ещё стоит там, но она медлит, неторопливо рассматривая вокзал, и потом, будто случайно, оборачивается. Ушел, разочаровано вздыхает она и медленно идет по перрону, высматривая его в толпе, втайне надеясь увидеть снова.

Низкий, взволнованный мужской голос раздается за её спиной, и Лолита невольно прислушивается.

– Аннушка, беда. Останься. Вижу много убитых. Головы сплющены, ноги оторваны. Останься, Аннушка.

– Отец, Григорий, – женский грудной голос полон сожаления, – я Александре Федоровне обещала. Знаешь сам. Лучше помолись за нас, отведи беду.

– Не веришь мне? – в его голосе слышится обида.

Лолита испуганно оглядывается. Святой старец хмуро смотрит на полноватую красивую даму, стискивая в кулаке большой крест, что висит у него на груди. И взгляд старца так тяжел, что ей становится не по себе.

– Мы с тобой всю жизнь будем вместе, – дама рассеянно улыбается, оглядываясь на поезд. – И сейчас, и потом. Рука об руку пройдем.

Старец качает головой.

– Ох, матушка, на изломанных-то ногах не ходить, ковылять придется.

Но дама то ли не слышит, то ли не обращает внимания на его слова. Пугливые мурашки ползут по спине Лолиты. Ее пугает предсказание святого старца. Надо скорей к папá. Предупредить. Перенести поездку. Только ноги словно приросли к земле. Не пошевелиться.

– Дамы и господа! Поезд отправляется, – разносится по перрону зычный голос проводника.

– Отец Григорий, прости, – дама торопится к вагону. – Матушка государыня призвала! Не могу послушаться. Прости. Ты помолись за нас грешных, помолись. Отведи беду.

Старец провожает её взглядом. Шепчет что-то неслышное вслед и размашисто крестит. За его спиной папá машет Лолите рукой, она спохватывается, шагает к нему. Старец, сторонясь, поднимает голову, и темный его взгляд неожиданно теплеет, останавливаясь на её лице.

– Глашенька, – едва слышно шепчет он. – Глашенька.

И ей вдруг видится смешливый паренек с венком из одуванчиков на голове. Желтые радостные цветочки солнцем горят на черных кудрях. А взгляд у него теплый-теплый и такой легонький, будто луч полуденный. И так же светло у нее на душе становится, словно ангел крылом задел.

– Глашенька, ты ли это? – опять повторяет старец.

– Лолита! – папá стоит у распахнутой двери вагона. – Нам пора.

А она всё не может сдвинуться с места, замороженная солнечным видением. Одуванчиковое лето кажется таким близким, что шагни – и там окажешься.

– Глашенька, останься. Беду вижу. Не ходи туда.

Его шепот пугает почти до обморока. Лолита пятится, ватные ноги едва повинуются ей. И она кричит этому странному старику:

– Вы ошиблись! Ошиблись! Я не Глаша!

Забегала в вагон, чуть дыша, упала на сиденье, а перед глазами все ещё стоит лицо старца. Темное, бородатое, неприветливое. Страшно-то как. Сердце колотится, и не унять его.

– А это моя дочь, – говорит папá кому-то. – Лолита.

Оказывается, он давно уже с кем-то разговаривает. Она торопливо поднимает взгляд и видит того самого господина с милым лицом. Как же хорошо, что он оказался здесь. Все её страхи и тревоги тают от его теплой улыбки.

– Позвольте представиться, – говорит он с заметным акцентом. – Освальд Райнер.

– Вы англичанин? – строго поджав губы, спрашивает она.

– Да.

– Значит, вы шпион?

– Ло, – укоризненно качает головой папá, пряча улыбку.

– С чего вы так решили? – смеется милый господин. И ей нравится его смех. И улыбка тоже нравится.

– Папенька говорит, что нынче все шпионы.

Папá вдруг раскашлялся и схватился за газету. Спрятался за ней, торопливо зашелестев страницами. Освальд, покосившись на него, заговорщицки подмигивает Лолите.

– Вы правы, мисс, – шепчет ей, полуприкрыв рот ладонью. – Я шпион. Только никому не говорите. Это будет наша тайна. Договорились?

– Да, – так же шепотом отвечает она, делая серьезное лицо.

Дама у окна рассеянно смотрит на них и Лолита узнает её. Это она говорила со старцем перед отправлением поезда. И опять ей становится страшно. Не помогает даже милая улыбка Освальда.

– Вы знакомы с мадам Вырубовой? – спрашивает Райнер, перехватив её встревоженный взгляд. Лолита качает головой. – Это Анна Александровна, ближайшая фрейлина и большой друг императрицы Александры Федоровны.

– Я тоже скоро стану фрейлиной, – говорит Лолита, вздернув подбородок.

– О, я в этом не сомневаюсь, – серьезно кивает Райнер. – А сейчас позвольте мне вас покинуть.

Он легко вскакивает, устремляясь по проходу вагона к Вырубовой. Фрейлина, заметив его, чуть улыбается и указывает на кресло рядом. Освальд тут же усаживается, целует ручку, любезничает.

– Предатель, – обиженно шепчет Лолита и отворачивается к окну.

Зря она напросилась поехать с отцом. Зря. Нужно было остаться дома. Опять всплывает мрачное лицо старца, но она отмахивается от него. На душе и так тошнехонько. Хуже уже не будет.

Она встает и пересаживается в конец вагона, забившись в самый темный угол, чтобы не видеть Освальда. За окном тянутся, чуть подсвеченные луной, заснеженные поля. В перестуке колес ей слышится колыбельная, которую в детстве пела ей маменька. Лолита вздыхает: как несправедливо, песенку она до сих пор помнит, а лицо матери уже почти стерлось из памяти. Лишь голос остался.

Лолита сонно трет глаза и тут замечает свое отражение в стекле. Чуть отодвинувшись от окна, она придирчиво рассматривает себя. Как же она сегодня хороша. И эти локоны у лица так ей идут. Она пробует улыбнуться как Вырубова, такой приятной светской полуулыбкой.

– Вы сердитесь? – Освальд так неожиданно появляется рядом, что она вздрагивает. Но он так тепло смотрит на нее, что она тут же прощает ему манкирование беседы с ней.

– Да, сударь. Вы это заслужили, – с легкой усмешкой говорит она.

Он становится серьезен и усаживается рядом, внимательно глядя на нее.

– Мисс Лолита...

– Лолита Райнер, – перебивает она и, с удовольствием отмечая на его лице удивление, добавляет с особым значением: – Нет, мы не однофамильцы.

– А кто? – он сбит с толку, но эта растерянность делает его таким милым.

– Вы полюбите меня, и я стану вашей женой, и все будут завидовать вам, – произносит она совершенно серьезно. – Слышите, Освальд? Так и будет.

Он наклоняется к ней, собираясь что-то сказать, но вагон вдруг дергается, гаснет свет. Лолиту выбрасывает из кресла на накренившийся пол. Кругом все рушится, скрежещет. Где-то протяжно и страшно кричат люди.

– Папенька! – зовет Лолита, не понимая, что происходит. – Папенька!

Её отбрасывает в сторону, осколки стекла больно сыплются в лицо. Она ползет по ним, не замечая, что режет ладони в кровь. Где-то гудит огонь, скупо освещая искореженный и неузнаваемый вагон. Там, впереди, среди обломков, она замечает отчима. Он лежит на боку. В его пальцах зажат обрывок газетного листа.

– Папенька! – бросается к нему она. – Папенька, очнись!

Переворачивает на спину, тревожно вглядываясь в его странно спокойное лицо. Будто уснул крепко. И только вот тут, у виска, маленькая полоска крови. Почему же он не просыпается? Лолита трясет его за плечо. Его голова беспомощно мотается, и это движение пугает ее до слез.

– Папенька, очнись! Ты не можешь уйти. Не можешь! Я останусь совсем одна! Папенька! Вернись ко мне!

– Не рви сердечко, милая, – паренек в венке из одуванчиков вдруг склоняется над ней. И взгляд у него такой жалостливый. – Отпусти.

– Нет! Нет! Нет! – рыдает она и все тормозит отчима. – Папенька, вернись ко мне. Не оставляй меня одну!

– Милая, – лицо паренка залито слезами. – Отпусти. Он к матушке твоей ушел. Сейчас ангелочки вокруг них. Хорошо им.

– Ты всегда её любил больше, чем меня! – кричит она и колотит окровавленной ладонью по его груди. – И теперь уходишь к ней. А как же я? Папенька! Как мне жить теперь? Не бросай меня.

– Сиротиночка, – шепчет паренек, – идем. Выведу тебя. Огонь уж близко.

– Папенька, – всхлипывает она и, подняв руку отца, прижимает к губам. – Передай ей привет.

– Идем, милая, – торопит паренек, и разгораются за его спиной обломки.

Как в страшном сне, идет за ним Лолита, пробираясь через искореженные завалы. И вот уже до выхода рукой подать, уже снег ударяет в лицо, и ветер без дыма, такой чистый-чистый, что легко дышать. Только слышится позади чей-то стон. Совсем рядом. «Освальд?» – вдруг спохватывается она и торопится назад.

Но под обломками женщина. В растрепавшихся волосах пепел и снег, а на неестественно повернутых ногах кровь, много крови. Анна Вырубова, узнает Лолита. Успеть бы вытащить! Ухватила её за руки, поволокла, оскальзываясь и падая. Вытянула на снег, подальше от огня. Какие-то люди бежали к ним. Кричали. Лолита вздохнула глубоко-глубоко и без сил опустилась на снег. Сон беспомыслия накрыл её, защищая от горя и боли.

«Поезд, отходящий от Ц.с. в 5 часов дня на 6 версте от Петрограда наскочил на товарный поезд. Много убитых и раненых. Подробности в следующем номере».

**«В катастрофе виноват машинист
товарного поезда. Число жертв огромно»**

«При крушении поезда погибло более двадцати человек. Фрейлина Анна Вырубова стала калекой и взяла на воспитание дочь известного художника Стеблова, погибшего в катастрофе».

«Святой старец Распутин предсказывал крушение поезда!»

(из газет)

Раскрытый медальон лежит на ладони. Лолита гладит фотографию Ивана Богдановича. Такой красивый, такой молодой. Плакать ей уже не хочется. Все слезы выплаканы. Хотя боль не прошла, но пусть маменька и папенька с небес смотрят на неё и радуются, что живет она теперь счастливо.

Лолита со вздохом захлопывает медальон. Не одна она теперь. Мадам Вырубова приютила ее в своем доме. Конечно, это не то же, что жить у отчима, но здесь её никто не обижает. И Анна Александровна заботится, как о дочери. Платьев ей понашили, подарочки дарят. Вроде и хорошо, но почему-то тяжело на сердце. Непокойно.

Давеча милый Освальд приходил. Подглядывала за ним в дверную щелочку. Он веселый. Все шутит с Анной Александровной, подбадривает. После его визитов она всегда так весела, щебечет, как птичка. Про крушение поезда уже не поминает. А ведь расшиблась страшно. Даже государыня к ней в больницу приезжала, переживала очень. Врачи говорили, что не выживет.

Только Анна Александровна все святого старца Распутина звала, верила очень в его молитву. Врачи не хотели его приглашать, но потом все же пригласили. А старец-то ее и вылечил. Святой человек. Теперь она уже с тросточкой ходит, а инвалидную коляску приказала убрать подальше.

Девочка подходит к окну и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит на улицу. Сегодня метель. Тонут дома в снежной пелене. Почти нет прохожих. Даже колясок – и тех не видно. Наверно рано сегодня фонари уличные включат.

Дверь в залу открывается, кто-то заходит и деликатно кашляет. Лолита оглядывается и замирает в испуге. Тот самый старец, которого она видела на вокзале. Неужто это и есть Распутин?

– Доброго здоровьечка, барышня, – говорит святой человек. – А что, Анна Александровна надолго отъехала?

– К вечеру обещала быть, – отвечает Лолита, стараясь, чтобы голос не задрожал. – Подождите, если угодно.

– А ты, стало быть, та сиротка, которую Аннушка приютила? – Подошел ближе, уставился в лицо. Глаза черные, жгучие, бесстыдные.

– Да, – кивает она, краснея, и смотрит в пол, чтобы только не видеть этого взгляда.

– Благое дело, – кивает старец и медленно гладит крест на груди длинными чуткими пальцами. – Помолись за свою благодетельницу. Помолись.

Молоденькая горничная приносит чай, любопытно косит взглядом на святого старца. И видно, как поговорить ей с ним хочется, но не смеет. Так молча и убегает, прижав к груди поднос. Старец неторопливо усаживается на диван и с удовольствием прихлебывает горячий напиток, смешно вытягивая влажные губы.

– Знаешь, кто я? – вопрошает, шурясь. И не ожидая ответа, говорит: – Григорий Ефимович Распутин. Слыхала? Аль нет?

– Да, – снова кивает Лолита. Ей хочется уйти, но она не решается. Да и как оставить гостя одного? Анна Александровна расстроится. Старец Распутин для неё ближе отца родимого.

– Что ж ты дакаешь, барышня, – басовито смеется Распутин. – Присядь, отведай чаю. Аннушка знает, что я такой люблю. Его всегда к моему приходу подают. Сядь, говорю. Негоже тебе предо мной стоять.

Лолита послушно усаживается на краешек дивана. Старец тут же по-свойски пододвигается к ней, наливает чай и протягивает полную чашку. Взгляд его уже весел и светел. И она облегченно вздыхает. Видно почудилось ей что-то от волнения.

– Вижу, хворь у тебя, – прищулив один глаз, весело говорит старец. – Голова, небось, сильно болит?

– После крушения поезда иной раз так разболится, что сил нет, – пригубив горячий терпкий напиток, отвечает она. – И сегодня с самого утра болит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.